

ВОЗРОЖДЕННАЯ ИМПЕРИЯ

МЫ ОСЕДЛАЕМ БУРЮ

WE LIE WITH DEATH

WE CRY FOR BLOOD

DEVIN MADSON

WE
RIDE
THE
STORM

ДЕВИН МЭДСОН

МЫ
ОСЕДЛАЕМ
БУРЮ

fanzon

МОСКВА
2021

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
М97

Devin Madson
WE RIDE THE STORM

Copyright © 2018 by Devin Madson
This edition published by arrangement with Orbit, New York,
New York, USA. All rights reserved

Map illustration © Charis Loke

Иллюстрации на обложке и титуле *Виктории Ивановой*

Оформление *Елены Куликовой*

Перевод подготовлен с участием
группы «Исторический роман»,
а именно *Натальи Семеновой* и *Анны Сенчак*.

Мэдсон, Девин.

М97 Мы оседлаем бурю / Девин Мэдсон ; [перевод
с английского Н. Рокачевской]. — Москва :
Эксмо, 2021. — 480 с.

ISBN 978-5-04-122987-0

Война построила Кисианскую империю. Война ее и разрушит.
Спустя 17 лет после восстания Кисианскую империю объеди-
няет лишь твердая рука Бога-Императора. Но измена разрывает
шаткий союз с Чилтеем, и все, что было выиграно, рушится.

Принцесса Мико мечтает заявить права на трон, но путь к вла-
сти может навсегда разделить ее семью.

В Чилтее Кассандру Мариус преследуют голоса мертвых. Отча-
яние толкает ее на сделку, что обещает лекарство.

На границе между народами капитан Рах эТорин и его вои-
ны-изгнанники, вынуждены сражаться в чужой войне.

Когда империя умирает, восстают три воина. Им придется
оседлать бурю или утонуть в пролитой крови.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

© Н. Рокачевская, перевод на русский
язык, 2021

ISBN 978-5-04-122987-0 © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2021

*Моему малышу,
чья неустанная энергия и любовь
приносят бесконечную радость,
а долгий дневной сон
позволил мне написать эту книгу*

ГЛАВА 1

Мико

Еще до того как я научилась ходить, меня пытались убить четыре раза. И семь раз до того возраста, с которого у меня появились первые воспоминания об окружающем мире. С тех пор я постоянно жила в страхе, но гораздо сильнее в мою душу врезались острые шипы злости.

Я не делала ничего плохого, просто жила. С неправильным лицом и неправильными глазами, неправильными предками и неправильным именем. Я всего лишь была принцессой Мико Ц'ай. Но этого оказалось достаточно. Не проходило и дня, чтобы я не гадала — а вдруг именно сегодня убийцы добьются успеха.

Каждую ночь я спала с кинжалом под подушкой, который утром прятала в замысловатые складки своего пояса-оби, чтобы постоянно его чувствовать. И мечтала. Впервые в жизни я приблизилась к мечтам настолько, что почти могла их ухватить. Мы ехали на север вместе с императорским двором. Император Кин собирался объявить имя своего наследника.

Как обычно в путешествиях, я вставала, пока весь постоянный двор еще спал, только императорская гвардия несла дозор. Во дворце гвардейцы обычно торчали в дверных проемах, но здесь императора не защищали толстые стены, и охранники болтались повсюду. И в главном доме, и во дворе, перед конюшней, на кухне и в комнатах для прислуги. Когда я шла к купальне, по-прежнему

ощущая тяжелый кинжал в складках халата, двое молча опустили головы в знак почтения.

Почти всю крохотную купальню занимала глубокая каменная ванна, укрыться можно было только за несколькими лакированными ширмами. Я медленно обошла их по кругу сквозь пар, чтобы проверить, остановилась в дальнем углу, взяла из корзины горсть сухих цветов и бросила в воду. Лепестки рассыпались, словно розовая пыль, припорошенная белым снегом, но иллюзию горного озера нарушил стук лопаты внизу — кто-то перебрасывал уголь.

Убедившись, что я одна, я скинула халат и скользнула в купель. Хотя от сырых камней поднимался пар, вода оказалась еле теплой, я поежилась и оглянулась на свой халат, взбодрившись при виде обозначившегося под складками ножа.

Но только я сомкнула веки, как у двери послышались чьи-то быстрые шаги. Я резко открыла глаза. Убийца не стал бы так шуметь, но я все-таки протянула руку за кинжалом, прежде чем увидела госпожу Сичи Мансин.

— Ой, ваше высочество, простите, я не знала, что вы здесь. Я могу...

— Не беспокойся обо мне, Сичи. В ванне хватит места нам обеим. — Я раскинула руки над водой. — Хотя должна предупредить, она не такая теплая, как кажется.

Она вздернула нос.

— Да уж, тут весь императорский двор поместится.

— Я все же надеюсь, что весь императорский двор сюда не явится.

— Только не это. Лучше не знать, как лорд Растен выглядит голышом.

Произнося эти слова, Сичи развязала свой халат — без капли смущения, которое чувствовала бы я, окажись на ее месте. Она совершенно не торопилась войти в воду и скрыть изгибы своей фигуры. Оказавшись рядом со мной, она преувеличенно поежилась.

— Ого, а вы не шутили насчет температуры.

Еще раз вздрогнув напоследок, она прислонилась к камням, так что над водой остались одни плечи. По длинной шее заструились похожие на чернильные потеки мокрые пряди, а остальные волосы она сколола золотым гребнем в нетугой пучок на макушке. Сичи была на четыре года старше меня и моего брата-близнеца Танаки, а при дворе жила после своей помолвки с ним, устроенной сразу после его рождения. Если меня он со смехом называл драконом в клетке, то она в таком случае была певчей птицей в клетке — красавица скорее не внешне, а манерами: как она двигалась, разговаривала и смеялась, как поворачивала голову и складывала руки, как грациозно танцевала по миру.

Я завидовала ей почти в той же степени, как и сочувствовала.

Сичи как будто прочитала мои мысли, потому что вздохнула и придвинулась ближе.

— Коко, — она обдала мое ухо теплом дыхания. — Принц Танака никогда ни о чем мне не говорит, так что...

— Мой брат...

Пальцы Сичи сжали мое плечо.

— Тс-с, я знаю. Послушай... Мне просто... Мне просто нужно узнать то, что знаешь ты, и я уйду. На церемонии его величество объявит Танаку наследником? Наконец-то благословит наш брак?

Я повернулась и встретилась с ее испытующим взглядом. Пальцы крепче сжали мое плечо.

— Так что же? Пожалуйста, Коко, расскажи мне все, что ты знаешь. Это... это важно.

— Ты что-то слышала? — спросила я едва слышным шепотом, хотя была уверена, что мы одни — лишь внизу продолжал громыхать лопатой кочегар.

— Только слухи. Что его величество хочет заключить договор с чилтейцами, а они требуют сначала определить порядок наследования.

Я этого не слышала, но предпочла кивнуть, а не сообщать ей.

— Сегодня я уезжаю навестить семью, как делаю каждый год, — продолжила она, не дождавшись ответа. — Я хочу... Мне необходимо знать, получить хотя бы какой-нибудь намек. Что ты знаешь?

— Ничего, — ответила я, вложив в единственное слово все годы неуверенности и разочарований, годы страха и осознания того, что за мной и Таной следят повсюду, куда бы мы ни пошли, что до сих пор нас оберегало лишь материнское влияние при дворе. — Совсем ничего.

Сичи погрузилась глубже, и вода покрыла ее плечи, словно для защиты от неопределенности.

— Ничего? — Она вздохнула, и по воде разошлась рябь от ее дыхания. — Я думала, ты что-то слышала, но он не говорит мне, потому что...

Она запнулась. Сичи, как и я, знала, что мы обе не только живем рядом в дворцовой клетке, но и ощущаем себя невидимками.

Я покачала головой и выдавила из себя улыбку.

— Передай своим родным от нас все положенные слова, ладно? — сказала я, и у меня заныло сердце, так что пришлось сменить тему. — Наверное, твоей матери тяжело приходится, когда и ты, и твой отец живут при дворе.

— Да, она говорит, что для нее вся жизнь — в моих письмах, потому что отец вечно занят военными действиями и пытается запомнить, когда нужно послать новые приказы окружным командирам и высчитать жалованье генералам.

С тех пор как ее отца назначили министромлевой руки и командующим императорской армией, Сичи редко с ним виделась. Она жила при дворе под присмотром императора, который таким образом обеспечивал верность министра и мог манипулировать будущей женой моего брата.

Сичи продолжала щебетать, словно поток болтовни о пустяках мог подкрепить ее первую нашептанную мольбу о помощи. Я могла бы заверить ее, что такие планы существуют, что Танака очень, очень близок к получению трона, но не доверяла даже Сичи. И хотя она была

моей самой близкой подругой, если все пойдет по плану, Сичи никогда не станет моей сестрой.

Я боялась сболтнуть что-нибудь лишнее, а потому побыстрее завершила мытье, извинилась и выбралась из воды, без единого намека на грацию, присущую Сичи. Мне всю жизнь твердили, что я дылда с нескладной фигурой, мои запястья слишком широкие, а плечи слишком угловатые, и я поскорее схватила полотенце, не заботясь об изяществе, и обмоталась им, как будто оно может что-то скрыть. Сичи наблюдала за мной, и, когда наши взгляды встретились, на ее губах появилась печальная улыбка.

Постоялый двор уже начал просыпаться. Из кухни доносился звон кастрюль и сковородок, у центрального колодца болтали слуги, подставляющие кувшины и ведра. При моем приближении все умолкали и кланялись под неусыпными взглядами императорской гвардии, усеявшей двор. Другим постояльцам не позволялось останавливаться на постоялом дворе одновременно с императором и его придворными, так что главные ворота были заперты, но гвардейцы все равно держали ладони на рукоятках мечей, посматривая на все, что движется.

Инь уже надела дорожное платье и поджидала меня с гребнем и суровыми упреками — почему это я ушла в купальню без нее.

— Я вполне способна помыться без помощницы, — сказала я, опускаясь на колени на коврик перед ней.

— Да, ваше высочество, но ваше достоинство и честь требуют присутствия помощницы. — Она запустила гребень в мои влажные волосы и тут же дернула за колтун. — А я могла бы лучше помыть вам волосы.

За дверью раздался какой-то шорох, и я напряглась. Обычно ежегодная поездка в Кой утихомиривала мои страхи, но на этот раз слишком многое стояло на кону. Инь, похоже, не заметила ничего необычного и продолжала меня расчесывать, но я была настороже, и, пока она делилась полученными от местной прислуги сплетнями, я прислушивалась к шарканью шагов и шуршанию одежды.

Однако нас никто не потревожил, пока не проснулись другие придворные, и тогда в коридорах зазвенели шаги. Когда я оделась, две служанки принесли мне завтрак на длинном подносе, который они держали вдвоем. Пока я ела, Инь упаковывала мой багаж, а служанки скатали циновку для сна. Такого рода домашняя суета всегда усыпляла мои страхи. Я вдохнула поднимающийся от чашки пар.

Во дворе громко созывали носильщиков, и я подошла к окну как раз в тот момент, когда из главной двери таверны вышла Сичи. По такому случаю она нарядилась в прекрасное платье из струящегося и переливающегося в утреннем свете шелка. Я успела взглянуть на нее лишь мельком, прежде чем она с прирожденным изяществом села в ожидающий паланкин и скрылась за шторками.

Принесли и другие паланкины, а также вывели императорского коня — значит, скоро нам придется сесть в экипаж и провести в пути еще один бесконечный день. Танака опять будет ворчать. Эдо попытается его развлечь. А я так заскучаю от них обоих, что начну пересчитывать каждую пройденную милю.

Танака еще не вышел из своей комнаты, и, когда прозвучал гонг, я постучалась в его дверь. Из-за крепких бумажных панелей не донеслось ни звука, и я наклонилась вперед.

— Тана?

Мое сердце гулко забилося в тишине.

— Тана?

Я раздвинула дверь. В центре погруженной в полумрак комнаты распростерлись на циновках Танака и Эдо, их одеяла были скомканы, а руки тянулись друг к другу через разделяющую их щель. Эту картину я видела бесчисленное число раз, но сейчас они были не одни. У головы моего брата склонился человек в сером. Занеся над ним кинжал. Маленький. Острый. Который легко спрятать. Из моих легких вырвался беззвучный крик, и при мысли о том, что я ничего не могу сделать, меня поглотил страх. Если бы у меня при себе было хоть пятьдесят ножей, это

ничего не изменило бы. Я вошла слишком поздно, и мне осталось лишь смотреть, как кинжал вонзается в моего брата и уносит его жизнь.

Однако нож не сдвинулся с места. Даже не дрогнул. Убийца поднял голову. И наконец-то мой первобытный страх перерос в хриплый вопль, а убийца застыл на долгое мгновение, пока в коридоре раздвигались двери и раздавался стук бегущих ног. Танака резко проснулся, и лишь тогда убийца дернулся и бросился к окну. Я метнулась вслед за ним, чтобы не дать ему ускользнуть, но споткнулась о ноги Танаки, когда он попытался встать. Хлопнули ставни. Комнату затопил солнечный свет. А за ним хлынули голоса, как будто в дверь начала ломиться вся находящаяся в здании прислуга вместе с десятком императорских гвардейцев.

— Что случилось, ваше высочество? — спросил первый.

Его пытливый взгляд обшарил комнату. Другой гвардеец ухмыльнулся, оглядев меня с ног до головы. Третий закатил глаза. Ни один из них не видел убийцу, а может, никто просто не желал его видеть. Эдо сел, обхватив руками колени, а Танака по-прежнему сонно моргал.

— Ничего не случилось, — сказала я, пытаясь придать лицу презрительное выражение. — Наступила на острый кусок тростника в циновке, вот и все. Займитесь своими делами. Нельзя заставлять ждать его величество.

* * *

— Ненавижу торчать в этом тесном экипаже, еще один день в пути убьет меня гораздо вернее, чем любой убийца, — сказал Танака, вытягивая ноги на пустое сиденье рядом со мной. — Надеюсь, его величество доберется до Коя уже сегодня. Ему-то хорошо весь день скакать на свежем воздухе.

— Ну, когда сам будешь императором, то сможешь ездить, куда пожелаешь, — ответила я. — Я-то уж точно.

Танака скрестил руки на груди.

— Когда? Хотел бы я обладать твоей уверенностью, сестренка. Сегодня утром стало ясно, что его величество по-прежнему хочет от меня избавиться, а если император жаждет моей смерти, то вряд ли объявит наследником.

Прошел почти год с последней попытки нас убить, и сегодняшний убийца потряс меня больше, чем я осмеливалась признаться самой себе. Будущее виделось ясным, а план простым — даже чилтейцы требовали у его величества объявить наследника. Я была так уверена, что мы нашли способ выкрутить его величеству руки, и тут...

Сидящий рядом с Танакой Эдо одарил моего брата таким взглядом, который мог бы расплавить лед, но в ответ покраснели только мои щеки. В их взглядах было столько подлинного взаимопонимания и привязанности, что мне пришлось отвернуться. Меня тоже мог прикончить еще один день в пути, если и впрямь возможно умереть от разбитого сердца, как прекрасные дамы из поэм.

Эдо перехватил мой взгляд и улыбнулся, хотя и только вполсилы от приберегаемой для Танаки улыбки, но все равно мое сердце заныло при виде его прекрасных черт. Эдо обладал классическим точеным профилем кисианца, но служанки боролись за право принести ему воду для умывания не из-за его носа, скул или глаз с длинными ресницами, а из-за того, как любезно он благодарил их за службу — словно не был старшим сыном самого влиятельного герцога Кисианской империи.

Чтобы не вызвать его полную извинений улыбку, я предпочла выглянуть в окно, ведь, в отличие от Танаки, Эдо не был слепцом.

— На церемонии его величество объявит наследником его светлость Батиту, — продолжил Танака, хмуро уставившись на свои сандалии. — И выдаст за него замуж Сичи. Прошло уже два года с тех пор, как Батита потерял жену. Хотя министр Мансин этого и не одобрит. Они с дядей Батитой на ножах с тех пор, как император Кин назначил Мансина командовать армией.

Эдо выразительно поморщился, чтобы заставить его прекратить изменнические речи. Он слишком хорошо знал, насколько это опасно. Ко двору его приставили еще ребенком, и вместо игрушек он развлекался с дедушкиным перстнем с печатью. Как и Сичи, он стал придворным императора, вызывая всеобщую зависть. Слово «заложник» никогда не слетало с губ улыбающихся придворных подхалимов.

Как всегда, по обеим сторонам экипажа скакали четверо императорских гвардейцев, сменяясь на каждой остановке. На плаще ближайшего темнели пятна пота, а лицо покрывала испарина, но на его губах все равно сияла улыбка, без которой я редко его видела.

— Снаружи капитан Лассель, — сказала я, и эти слова оборвали разговор куда быстрее, чем любые молчаливые предупреждения Эдо.

Через мгновение Танака уже выглядывал из-за моего плеча через решетчатое окошко. Капитан Лассель не замечал, что мы за ним наблюдаем, но из-за вездесущей полуулыбки казалось, будто замечает, и за это я ненавидела его еще сильнее. Та же улыбка сияла на его губах, когда он извинялся, что во время его караула в мою спальню прокрался убийца. За три года мое недоверие ничуть не уменьшилось.

Танака переместился к другому окну, выглянул из-за плеча Эдо и сказал:

— С этой стороны — Киа и Тороно.

Самые юные и недавно поступившие на службу гвардейцы, присягнувшие императору лишь год назад.

— Это мало что меняет, — заметила я.

— Мне кажется, Киа на маминой стороне. Насчет Тороно я не уверен.

И снова Эдо шикнул на него, а я продолжала рассматривать горделивую фигуру капитана Ласселя верхом на коне. Однажды капитан обнаружил меня стоящей у тела убийцы, кровь из раны на локте заливала всю мою руку. В четырнадцать я была уже ростом как взрослая, но обладала присущей подросткам неуклюжестью и неуверен-